

В. Н. я очень волновалась, но он был так естествен и прост, так доброжелателен и доступен, что вскоре скованность моя пропала и я уже ездила к нему очень охотно, тем более что он приглашал заходить и, как сам объяснил, приглашал не из вежливости, а потому что был искренне мне рад, что не стал бы притворяться, если бы это было не так; может быть, не отпугнул бы, но просто промолчал бы.

Когда я в первый раз увидела В. Н., меня поразила пышная копна совершенно белых волос. Но никогда после первой встречи я этого уже не замечала, потому что главным в его облике были глаза, всегда полные мысли и интереса к собеседнику. Так, глаза в глаза, напротив друг друга мы просиживали по нескольку часов.

У В. Н. была удивительная черта, такая редкая в людях: он любил, когда ему возражают, спорят с ним, не соглашаются. Контакт устанавливался у него именно с теми учениками, которые ему возражали. В. Н. очень ценил в человеке проявление независимости и сам, судя по его рассказам, всегда был большим спорщиком. Может быть, поэтому ему так нравилась подаренная кем-то поделка из дерева — петух, только что выскочивший из драки победителем, хотя и с обшипанным хвостом, но с гордо задранной головой. Петух, по-видимому, напоминал В. Н. его самого в разные периоды жизни.

В пору моего знакомства с В. Н. он работал над вопросами исторической фонетики. Интерес к истории языка, сохранившийся у В. Н. на протяжении всей жизни, по его словам, определился уже в университете. Тогда курса современного русского языка еще не читали вообще¹, а преподавание истории языка имело глубокую традицию. Но лингвистом, как считал сам В. Н., он стал случайно: в юности он увлекался многим, увлекся как-то и палеографией. Это привело его в Московский университет на этнологический факультет (отделение языка и литературы), где он заинтересовался лекциями А. М. Селищева. Первое впечатление от этих лекций было у В. Н. комическое, потому что читал их А. М. Селищев очень своеобразно. Высокий плотный человек подходил к доске и начинал почти петь тоненьким голосом свою лекцию. Но лекции всегда были доказательны, логичны, убедительны, так как А. М. Селищев стремился учить все известные ему языковые факты, а не подгонять их под заданную схему. Иногда его стройному доказательству мешала какая-нибудь деталь. Бывали случаи, когда на нее указывали ему ученики. Обдумав вопрос еще раз, он не боялся прийти на следующую лекцию с совершенно новым доказательством, перечеркнув прежнее. Внешне лекции А. М. Селищева могли показаться догматичными, но на самом деле они отличались доказательностью положений.

В. Н. сам обладал качествами, так привлекавшими его в Селищеве: доказательностью и обоснованностью суждений, глубоким проникновением в материал и трезвым критическим его осмыслением. И в учениках В. Н. воспитывал критическое отношение к языковым явлениям и их лингвистической интерпретации.

В связи с темой моей работы, касающейся произношения в московских театрах, возник вопрос об истории формирования московского говора, на основе которого сложилось русское литературное произношение. Я пыталась представить себе этот процесс, опираясь на высказывания авторитетных ученых. Но В. Н. по многим лингвистическим вопросам имел свое мнение, сложившееся в результате собственных наблюдений и размышлений, нередко не совпадавшее с утвердившимися в науке положениями, и в частности по вопросу об истории формирования московского говора. Он не разделял предположения А. А. Шахматова о том, что в Москве XIV—XV вв. социальное расслоение населения было связано с расслоением диалектным: «... в Москве одни говорили по-севернорусски, — писал А. А. Шахматов, —

¹ Первым, считал В. Н., стал читать курс современного русского языка проф. Варшавского ун-та А. В. Михайлов, специалист по библейскому тексту; позже в Петербурге — А. А. Шахматов.